

— Почему? — глухо, с трудом выдавил Фан Чуян. Слова, пробиваясь сквозь плотно сжатые зубы, звучали прерывисто и искаженно.

— В детстве меня вырастил старый директор, я очень привязан к этому приюту, — опустив голову, прошептал Чэнь Чжаохуэй. Слеза сорвалась и упала на его обувь.

Фан Чуян знал об этом. В прошлый раз, когда они вместе выполняли задание в Чжоучжае, Сяо Чэнь с гордостью показывал ему список жертвователей. Фан Чуян думал, что человек с такой открытой душой меньше всего способен на предательство.

Когда Лу Чанхуа возглавил приют, Чэнь Чжаохуэй уже вырос и не нуждался в опеке. Он совмещал учебу с работой, а с Лу Чанхуа познакомился только благодаря старому директору. Позже, начав работать, он стал часто жертвовать деньги приюту, и они снова сблизились.

— В приюте нет проблем с едой и одеждой. Пожертвования в основном идут на адресную помощь, чтобы купить детям то, что не входит в список предметов первой необходимости. Можно приобрести какую-то конкретную вещь или взять под опеку одного ребенка. Я помогал маленькой девочке, которая очень любила танцевать... — Обычно молчаливый Чэнь Чжаохуэй редко говорил так много. О вещах, которыми он никогда ни с кем не делился, он рассказывал ровно, без лишних эмоций — просто, честно и буднично.

Малышка была совершенно здорова, но усыновить ее никто не мог. Ее спасли во время спецоперации по борьбе с торговлей детьми — девочку продали собственные родители. Поскольку они были живы, по закону ее нельзя было отдать в другую семью, и ей оставалось только жить в приюте. Она часто цеплялась ручонками за железную решетку забора, смотрела на улицу и спрашивала Чэнь Чжаохуэя, когда же кто-нибудь заберет ее домой.

Но однажды девочку усыновила супружеская пара иностранцев. Она была невероятно счастлива. Лу Чанхуа тогда по секрету признался ему, что оформил документы в обход правил: «Ты же понимаешь, это незаконно. Но девочку безумно жаль, а семья — лучшая среда для ребенка».

Поначалу Чэнь Чжаохуэй разозлился. Будучи честным молодым полицейским, он не выносил никаких нарушений закона и потребовал, чтобы Лу Чанхуа прекратил это. Но когда он встретился с умоляющим взглядом девочки, его решимость дрогнула.

— Братец Чэнь, умоляю, не заявляй на папу Лу. Те люди — артисты балета. Если я уеду с ними, то смогу танцевать балет всю жизнь!

Родительскую любовь и благополучную жизнь в обеспеченной семье невозможно было заменить парой пуантов, которые мог подарить ей молодой полицейский. Чэнь Чжаохуэй, только начинавший свой жизненный путь, заколебался. Имел ли он право лишать ребенка, который уже никогда не вернется к родным родителям, шанса обрести приемную семью?

Это было нарушением закона, но для девочки — величайшей удачей.

Чэнь Чжаохуэй выбрал молчание.

— В день внезапной проверки я подумал, что информатор ошибся и принял такую же спасенную сироту за похищенного ребенка, поэтому и предупредил Лу Чанхуа заранее, — Сяо Чэнь медленно опустил на корточки и закрыл лицо руками.

Фан Чуян с запоздалым страхом взъерошил волосы на голове. Тогда он считал Сяо Чэня самым

надежным напарником и именно поэтому взял его с собой на операцию.

— Но когда мы перелезали через забор, почему ты не подал ему знак?

Мало того что он не предупредил сообщника, так еще и изо всех сил спасал детей, а когда их машину протаранил пьяный водитель, даже рвался в драку, чтобы выиграть время.

— Из-за заколки, которую вы мне показали, — поднял голову Сяо Чэнь. Его глаза были красными от слез. — Эта заколка принадлежала Яояо!

Чтобы отыскать пропавшую девочку, он каждый день вглядывался в фотографии, предоставленные родителями, запоминая каждую мелочь в надежде узнать ребенка, если вдруг столкнется с ней на улице.

Чэнь Чжаохуэй достал телефон и открыл снимок, который прислала мать Яояо. Розовая заколка с бантиком на фото точь-в-точь походила на ту, что нашел Фан Чуян. Этого снимка не было на объявлении о розыске — он входил в число двадцати с лишним повседневных семейных фотографий, которые мать девочки передала лично полиции.

В комнате воцарилось молчание.

— И это был единственный раз, когда ты его предупредил? — ледяным тоном спросил Фан Чуян.

— Только один этот раз, клянусь, — Чэнь Чжаохуэй поднялся и поднял руку, растопырив три пальца в клятвенном жесте.

— Раньше, даже если в приюте что-то и происходило, это не входило в юрисдикцию нашего городского управления, — негромко заметил капитан Фань, тем самым косвенно подтверждая слова Сяо Чэня. В конце концов, раньше у того просто не было возможности сливать информацию.

— А сегодня утром? — Фан Чуян пристально посмотрел ему в глаза.

Чэнь Чжаохуэй вздрогнул под этим ледяным взглядом и в отчаянии и злости выкрикнул:

— Да разве я остался бы человеком, если бы продолжил помогать ему после того, как узнал, что он похищает детей?!

Снова наступила тишина, в которой было слышно, как падает иголка. Лишь прерывистое, судорожное дыхание нарушало безмолвие — так дышат от невыносимой боли и бессилия.

— Я знаю, что у него есть еще одна недвижимость, — спохватившись, внезапно произнес Чэнь Чжаохуэй.

— Какая недвижимость? — тут же выпрямился капитан Фань.

— Квартира, принадлежавшая старому директору. После его смерти она перешла Лу Чанхуа. Это старое муниципальное жилье, права собственности на него передать нельзя, так что квартира, скорее всего, до сих пор оформлена на имя старого директора, — Чэнь Чжаохуэй говорил все увереннее, и детали, которые он уже почти стер из памяти, внезапно прояснились.

— Где она? — спросил Фан Чуян.

— Жилой квартал Горного бюро, дом 3... — Сяо Чэнь запнулся, пытаясь вспомнить квартиру, в которой бывал всего однажды. — Дом 3, четвертый этаж, западное крыло.

— Ты уверен? — услышав адрес, Фан Чуян заметно вздрогнул.

— Табличка с номером на четвертом этаже была сломана наполовину, поэтому мне и запомнилась. Был вечер, в комнатах светило заходящее солнце, — Сяо Чэнь перечислял все сохранившиеся в памяти мелочи, чтобы подтвердить свои слова. — Но прошло много лет, я мог что-то перепутать. Но это точно был жилой квартал Горного бюро.

— Немедленно организовать задержание, выезжаете вдвоем, — мгновенно принял решение капитан Фань. Он убрал удостоверение Чэнь Чжаохуэя в карман. — А с твоим делом, Чэнь Чжаохуэй, разберемся, когда вернемся.

— Есть! — в один голос ответили они. Сяо Чэнь вытер слезы рукавом и развернулся, чтобы подготовиться к выезду.

Фан Чуяну некогда было что-либо объяснять. Он быстрым шагом вышел в коридор и отыскал Чжай Чэня, который сидел на скамье ожидания, тесно прижавшись к Гао Юйшэну и тихо переговариваясь с ним.

— Ты помнишь, в каком доме и какой квартире жил Тяньцы с семьей?

— Дом 3, четвертый этаж, западное крыло, — без запинки ответил Чжай Чэнь.

— О каком нашем доме речь? — слегка нахмурился Гао Юйшэн.

Фан Чуян потянул Чжай Чэня за руку, заставляя подняться, и понизил голос:

— Ты уверен? Дом 3, четвертый этаж, западное крыло, жилой квартал Горного бюро, верно?

Чжай Чэнь кивнул:

— Ну да. Как я мог такое забыть?

Фан Чуян повернулся к Гао Юйшэну:

— Когда ты в детстве уехал, кому твоя мама оставила квартиру?

— Квартиру? — на лице Гао Юйшэна на миг отразилось замешательство.

Чжай Чэнь почувствовал неладное и осторожно спросил:

— Ты... не помнишь?

Это был тот самый дом, где они жили вместе с тётушкой Е после возвращения из гор. Тяньцы тогда был уже достаточно взрослым, он помнил даже то, что происходило в горах, как же он мог забыть тот дом?

Гао Юйшэн поджал губы, оставив вопрос без ответа.

— Что не так с этой квартирой? Она как-то связана с делом?

Чжай Чэнь посмотрел на него, а затем повернулся к Фан Чуяну:

— Я не знаю, кому эта квартира принадлежала раньше. Несколько лет назад там жил какой-то пожилой мужчина, но он не знал тётушку Е. А последние пару лет там вообще никто не живет.

Фан Чуян медленно вдохнул:

— Ты знаешь, как звали старого директора приюта Гаоюань?

Чжай Чэнь растерялся — на это он и правда никогда не обращал внимания.

— Е Фэнцю, — произнес Гао Юйшэн.

Чжай Чэнь резко вдохнул. Он перевел взгляд на спокойного Гао Юйшэна, смутно что-то осознавая, а затем с немим вопросом уставился на Фан Чуяна:

— Значит, та квартира?..

Как раз в этот момент из кабинета вышел капитан Фань в сопровождении готового к выезду Сяо Чэня и еще двоих коллегий. Капитан махнул Фан Чуяну, показывая, что пора садиться в машину.

— Ты тоже поезжай с нами. Разве ты не знаком с жильцами того двора? Может, поможешь на месте, — Фан Чуяну некогда было объяснять. Бросив эту фразу на ходу, он запрыгнул в машину.

— Эй... — Чжай Чэнь не успел ничего спросить. Его протянутая рука неловко зависла в воздухе. Он опустил ее и похлопал по плечу все еще погруженного в свои мысли Гао Юйшэна: — О чем задумался?

Гао Юйшэн ничуть не растерялся, словно и не уходил в себя, и совершенно естественно протянул Чжай Чэню ключи от машины:

— Хочешь поехать помочь?

Полицейская машина уже рванула с места. Чжай Чэнь цокнул языком, сунул ключи в карман и увлек Гао Юйшэна за собой к выходу:

— Зачем машина? Тут же всего одна улица!

— А? — только и успел произнести Гао Юйшэн, когда его выволокли из участка и потащили напрямик в сторону детского сада, где раньше работал Чжай Чэнь. Тем временем полицейская машина, двигавшаяся без сирены, медленно пробиралась сквозь поток транспорта, едва обгоняя велосипедистов.

<http://bllate.org/book/18293/1757225>